

Содержание

Предисловие

7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Травма поколений?

Подростком быть нельзя!

11

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Голубая кровь

97

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Совсем другая жизнь...

241

Посвящается сёстрам Берте и Кларе

Предисловие

В моей семье всё время кто-нибудь подросток, при этом неважно, сколько кому лет, подростковый кризис со всеми его бешеными переменами может настигнуть хоть в пять лет, хоть в тридцать и даже в восемьдесят. Все мамы в моей семье разные, любят нежно... ну, пусть не всегда нежно, иногда сложно, иногда требовательно и яростно, мамы разные у нас: и холодная, и трепетная, и отстранённая, и давящая. Но какой бы ни была мама, подросток всегда одинокий путник. Мама и сама может внезапно стать подростком.

Моя мама контролировала меня или развивала независимость? А я, как я воспитываю детей, не слишком давлю? Соблюдаю ли границы, не заблудилась ли между «хочу знать» и «хочу *всё* про тебя знать»? Умею ли я выражать свою любовь, могу ли хотя бы подать знак, что люблю? Живу как самоценная личность или как инструмент для чужого эмоционального комфорта?

Но вот что по-настоящему интересно: оказывается, *всё наше* — любовь и обиды, бинарные оппо-

зиции «что такое хорошо и что такое плохо», *наши частности* мало того что могут послужить иллюстрацией к учебнику психологии, но и с аптечарской точностью укладываются в историю воспитания, историю страны.

Всё началось, как и положено, в начале... Избалованные любовью девочки-сестрички, война, блокада. Одни, без взрослых, Берте тринадцать, Кларе четыре, как они выжили в блокаду? Мы не представим, не поймём, как Берта выжила сама и сохранила ребёнка, можем лишь покачать головой или заплакать. ...Но что это означало для них, какими мамами они стали, что, как при игре в колечко, передали нам — стойкость, комплексы, душевное сиротство, волю, безволие?

Смотрите, вот девочки, им нельзя быть дочками, у них нет мамы, им нельзя — всё, кроме войны. А вот и любимые шестидесятые: смысл твоей жизни — дело, которому ты служишь, а твой ребёнок сам себя растит. Книжные семидесятые, твоя внутренняя жизнь, замкнутость на своих переживаниях, на своём культурном контексте сама по себе является частью эпохи: ты живёшь в книжном шкафу, отгоняя реальный мир, как надоедливую муху, — мешает читать, в глазах у тебя «я хорошая девочка, чего изволите?». В восьмидесятые всё так спокойно и размеренно: ты балуешь ребёнка изо всех сил, детей балуют, кто-то больше, кто-то меньше, но общие тенденции ясны: ребёнок имеет значение. Ох, девяностые, у тебя уже собственный травматический опыт, впрочем, переживаний достаточно во

все времена. ...Во все времена самая значимая фигура космического масштаба — это мама, но где же в этом узоре мужчина, отец?

Мужчина — это фигура умолчания. Мужчина воюет или работает. Папа на войне или папа на работе, воюет, строит, руководит, изобретает... В семейной жизни мужчина не претендует даже на то, чтобы управлять всем из-за кулис, он далёкий бог, разве мы можем сказать ему, что мёрзнем зимой в рваных туфлях?.. Мы уважаем его, боимся обеспокоить собой и обожаем издалека. И даже когда отец появляется как очень значимая фигура, учит, рассказывает, знакомит с миром, мы не просим его о помощи, не хотим показаться уязвимыми, боимся потерять его уважение. Бояться и уважать отца и бояться потерять его уважение, в сущности, одно и то же.

Ну, а что сейчас, сегодня? Мы ведь живём в семейном сценарии, не сами по себе. Что, если комплексы нашей прабабушки высунутся из прошлого, как синяя рука в страшилке: синяя рука вышла из дома, синяя рука входит в комнату, синяя рука — хвать правнучку! Я дружу со своими детьми? Мы когда-нибудь *разговариваем*? Дети — это неотъемлемая часть нас или мы должны защищать от них свою отдельность? Знают ли мои дети, что *мама тоже совершала плохие поступки*? Знают ли они о тех, кого с нами больше нет, уникальных, неповторимых, тех, кто повторяется в нас?

Популярная идея «мама виновата» как будто специально способствует разрыванию связей.

Стремление понять другого человека заглушается модными терминами «токсичность» и «обесценивание». Кто отвечает за наш невроз, печали, неудачи? Как кто? Мама!.. Мама — это фигура, которую мы *массированно* атакуем, хотим и слиться с ней, и отделиться, перебираем обиды, культивируем боль. Наши чувства важны, очень важны!

Но вот неожиданная в своей очевидности мысль, которая не всегда приходит нам в голову: наши чувства важны, очень важны! Мы прекрасно знаем, что наши чувства очень важны... что здесь нового? А вот что нового, чуть не забыла! У других тоже есть право на чувства.

И наконец, для самых моих внимательных читателей, тех, кто заметит «о-о, этот персонаж мне знаком и ситуация знакома»: мне было очень важно переосмыслить историю, показать, что в одних и тех же декорациях рождаются совершенно разные чувства. Что было смешным, оказывается серьёзным, а что казалось всерьёз — видится смешным. ...Наши чувства важны, но и у других есть право на чувства. Каждый из нас — часть семейного сценария, и это герменевтический круг: мы можем осознать себя, только понимая других, ведь одновременно являемся и авторами, и персонажами этой истории. Из понимания, что у других тоже есть чувства, построим мостик, держась за хлипкие перильца, со смехом и смиренiem перейдём на другой берег, на том берегу нас ждёт любовь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Травма поколений?
Подростком быть нельзя!

Я шёл зимою вдоль болота
В галошах, в шляпе и в очках.
Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических крючках.
Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел, подпрыгнул и исчез.
И долго я стоял у речки,
И долго думал, сняв очки:
«Какие странные дощечки
И непонятные крючки!»

Д. Хармс

С 1941 по 1943 год в Ленинграде, на Владимирском проспекте, дом 7, вдвоем, — *вдвоём*, без взрослых, жили две девочки, вернее, девочка и ребёнок: Берта, 13 лет, и Клара, 4 года. *Как они выжили одни, без взрослых?* Даты эти — 1941—1943 — не надо называть, всем понятно: то, что в это время в Ленинграде тринадцатилетняя девочка выжила сама и сохранила ребёнка, это чудо. Настоящий подвиг. Но Берта же не родилась героиней?

Мама, голубоглазая мамочка-Сонечка, была нежная, красивая, избалованная. Баловство — крепдешин, креп-жоржет, духи «Красная Москва», пудра «Красная Москва». Отношения в семье были патриархальные: муж — добытчик, защитник, жена — прекрасный цветок. Большая по тем временам разница между Сонечкиными детьми — девять лет — объяснялась тем, что Сонечка понимала, что прекрасна сама по себе, без детей, берегла красоту и не хотела рожать подряд, одного за другим. На портрете, сделанном в фотоателье, вовсе не «мать детей», а юная красавица, застенчиво знающая цену своей красоте; на маленькой фотографии на пас-

порт — полудетское нежное большеглазое лицо. Портрет потом куда-то пропал. ...И что же, других фотографий не осталось? Ну а как могли остаться фотографии, если было *потом*, у ее мужа была другая жена? Другая жена выбросила фотографии на помойку или сожгла в раковине. Как это возможно?! Возможно. Ревность к прошлому — страшная штука. Многие хотят, чтобы до них ничего не было, чтобы жизнь началась с них.

Берта тоже предпочла бы быть единственной — единственной для мамы, конечно. Когда Клара родилась, Берта так расстроилась, что из дома ушла, гуляла по Невскому, стояла на Аничковом мосту, смотрела на воду, думала: «Вот не приду домой, пожалеют!» Она была разумная девочка с уравновешенной психикой и не собиралась прыгать в Фонтанку, но думать «они еще пожалеют» было приятно. Предыдущая ситуация ее больше устраивала. Каждому разумному человеку ясно: лучше быть единственным ребёнком, мама — ее, папа — он большой роли не играл, ушёл на работу — пришёл с работы, но все-таки... Лучше, чтобы у тебя совсем никого не было, никаких братьев-сестёр, лучше быть единственной любимой. Имя ребёнку дали красивое — Клара, Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет... Но там, дома, во все не *Клара*, а кулёк какой-то. Лежит, кричит, раздражает... Мама к ней по первому зову бросается, ласково говорит кульку Кларуся. Подумать только, Кларуся! Берте, может, тоже хочется закричать, и чтобы мама к ней бросилась.